

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Клиновой Марины Александровны

«ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ГОРОДСКОГО

НАСЕЛЕНИЯ РСФСР (1946–1956 гг.)»,

представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история

Диссертация Марины Александровны Клиновой «Экономические стратегии городского населения РСФСР (1946–1956 гг.)» посвящена чрезвычайно интересной теме – формированию различных поведенческих моделей в сфере труда и повседневной хозяйственной деятельности.

Актуальность данного исследования не вызывает сомнений. Комплексный ретроспективный анализ экономических практик, продуцируемых путем нормативно-правового регулирования и информационного воздействия через СМИ, необходим для понимания принципов взаимодействия власти и общества, внесения коррективов в систему знаний о ценностях и жизненных установках советских людей, целостного представления о возможных последствиях модернизационных процессов. Исследование М.А. Клиновой, проведенное на основе различных методологических подходов, с полным основанием может быть отнесено к междисциплинарным, что соответствует современному уровню развития гуманитарных наук.

Новизна диссертации определяется постановкой проблемы, предполагающей комплексное изучение экономических практик городского населения. Автором разработана качественно-количественная методика анализа политического дискурса послевоенного десятилетия для выявления идеологем, отражающих эволюцию установок на «правильное» экономическое поведение.

Можно заключить, что, выявляя специфику политико-экономического, идеологического, информационного формирования и реализации экономических стратегий городского населения РСФСР 1946–1956 гг., М.А. Клинова восполняет пробел в исследовании одной из малоизученных проблем по отечественной социальной истории.

Выбор хронологических и территориальных рамок исследования аргументирован и не вызывает возражений.

Структура диссертационного исследования, состоящего из введения, семи глав, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений,

трех приложений, согласуется с поставленными целями и задачами. Структурируя текст таким образом, М.А. Клинова, очевидно, стремилась создать наиболее целостную картину для детального освещения поставленной проблемы.

Диссертантка продемонстрировала хорошее знакомство с имеющейся научной литературой. Историографический обзор отличается объективной оценкой целого комплекса работ: не только историков, но и экономистов, юристов, демографов, культурологов, социологов. По итогам этого обзора совершенно справедливо делается вывод о существовании ряда исследовательских лакун и целесообразности междисциплинарного подхода к освещению заявленной темы.

Избранные методологические принципы и методики позволили М.А. Клиновой комплексно проанализировать экономическое поведение горожан в различных его проявлениях. Концепт «мобилизационная система» явился оптимальным инструментом для изучения процессов государственного регулирования трудовых отношений и идеологических установок в послевоенном СССР, позволяя выявить их специфику и направленность с учетом решаемых государством задач. В контексте мобилизации плодотворно были изучены также границы дозволенного и допустимого в экономике и в сфере хозяйственного права.

Следует признать эффективным предложенный автором диссертации методологический подход, согласно которому экономические стратегии городского социума дифференцировались в соответствии с направленностью деятельностного импульса, его сообразностью действующим нормам и императивам, транслируемым властью.

Успешное решение поставленных задач достигнуто за счет использования разнообразных исторических источников: нормативно-правовых актов, делопроизводственных документов, материалов периодической печати, источников личного происхождения.

М.А. Клинова провела серьезную эвристическую и аналитическую работу и собрала ценный исследовательский материал. Текст диссертации свидетельствует о творческой зрелости соискателя, умении самостоятельно формулировать научные задачи, решать их, предлагать качественно новый взгляд на историческую проблему.

Автором диссертации доказано, что поведенческие модели горожан в послевоенное десятилетие детерминировались факторами различного генезиса: экономической политикой государства, информационным воздействием текстов и визуальных образов СМИ, привычками и традициями, присущими советскому социуму.

В диссертации предпринят анализ правительственных мероприятий, направленных на корректировку трудовых стратегий горожан, по итогам которого делается вывод о сочетании правовых механизмов с актуализацией таких лексических категорий как «долг», «самоотверженный труд» и пр., что позволяет трактовать их как мобилизационные инструменты государственного социально-экономического регулирования.

М.А. Клиновой проделана гигантская работа по изучению материалов центральных, городских, областных и заводских периодических изданий. Установлено, что в газетные публикации для формирования моделей «труда-подвига» и «труда-вознаграждения» последовательно включались лексемы, отражавшие осознанную вовлеченность горожан в социалистическое строительство; в сатирической печати автору удалось выявить количественное превалирование сюжетов, посвященных девиациям горожан, фиксировавшихся в системе «человек-государство», над сюжетами, посвященными нарушениям в системе «человек-человек».

Для исторической науки значимы выводы, которые касаются особенностей пропагандистской риторики трудовой мобилизации на страницах послевоенной прессы. Автор аргументировано выделяет три модели: «труда-подвига», «труда-вознаграждения» и «трудовой демобилизации», которые последовательно сменяли друг друга и содержание которых отражало специфику государственного социально-экономического регулирования, коррелировало с динамикой модернизационных процессов.

Анализ текстов и визуальных сюжетов позволил М.А. Клиновой выделить модели стандартов труда и потребления (эталонов и девиаций) городского населения РСФСР, декларируемых в отечественном информационном пространстве в 1946–1956 гг. Можно согласиться с тем, что в послевоенной прессе и произведениях культуры артикулировались следующие модели потребления: «будущего благосостояния» (адресатом которой являлись широкие слои горожан), «элитарного потребления» (ориентированной на представителей научно-творческой элиты, высший командный состав армии, сотрудников наукоемких отраслей промышленности) и (в 1950-х гг.) «осуществленного благосостояния» (служившей ориентиром для всех категорий городского социума).

Автору удалось создать концепцию моделей экономических стратегий населения в послевоенном СССР: перфекционистской, адаптивной, девиантной, выделить социальные группы, в которых эти модели были наиболее распространены.

Концептуальные положения диссертации позволяют говорить о существенном личном вкладе автора в науку, имеют теоретическое значение,

могут содействовать активизации процессов интеграции социально-гуманитарных дисциплин.

Собранные М.А. Клиновой материалы целесообразно использовать в процессе преподавания курса Отечественной истории, экономической истории, истории права, культурологи и социологии.

Отдельный интерес представляет чрезвычайно любопытное приложение к диссертации, включающее в себя статистические таблицы и иллюстративные материалы. Итоги подсчета автором лексических форм в сюжетах периодических изданий, выраженные в табличной и графической форме, могут служить для дальнейших теоретических выкладок.

Научные заключения, выводы диссертанта в основном хорошо аргументированы и их обоснованность не вызывает сомнений.

Полагаю, тем не менее, что некоторые положения диссертации нуждаются в дополнительном комментарии и корректировке.

1. Предпринятая автором в п. 1.3. классификация источников вызывает ряд вопросов. В частности, остается неясным, почему М.А. Клинова не включила в перечень использованных ею источников лексические единицы, на анализе которых основана значимая часть ее работы. Заявляя о стремлении придерживаться типологии, разработанной И.Д. Ковальченко (вещественные, письменные, изобразительные и фонические источники), автору следовало бы оговорить свою позицию относительно места данных языка в системе использовавшихся исторических источников.

Сомнение вызывает целесообразность отнесения к делопроизводственным документам писем горожан в органы власти и редакции газет (с. 59). Я соглашусь с мнением, высказанным в свое время В.В. Кабановым, что подобные письма наиболее целесообразно изучать как личные документы (поскольку в основе своей все они личного происхождения), систематизируя в зависимости от содержания на информативные, жалобы, разоблачения, предложения и др. (Кабанов В.В. Письма // Источниковедение. М., 1998. С. 641, 643).

Хотелось бы уточнить, какой смысл вкладывает автор в понятие «видовая группа делопроизводственных источников», деля их на опубликованные и неопубликованные? Общеизвестно, что факт публикации источника ничего не меняет в его видовой принадлежности, структуре, методике анализа. В этой связи должна высказаться недоумение по поводу выделения в списке использованных источников (с. 727–734) раздела «Опубликованные документы и нормативные акты», в котором в одном ряду оказались сборник документов и материалов «Атомный проект СССР», «Уголовный кодекс РСФСР», стенографический отчет заседаний Верховного

Совета РСФСР, ответы на вопросы читателей газеты «Труд» и даже некий информационный портал СССР.

2. На с. 6–7 диссертации определены понятия «стратегия» (деятельность, являющаяся следствием рационального выбора, состояния экономического сознания, традиций и социальных стереотипов) и «практика» (понятие «более узкое, характеризующее деятельностные проявления» экономического поведения). Я полагаю, что М.А. Клиновой следовало более четко дать понять, как соотносятся эти понятия, и придерживаться этого критерия на протяжении всего изложения. В тексте неоднократно говорится именно о практиках (например, на с. 68 – «адаптивные жизнедеятельностные практики горожан», на с. 69 – «трудовые и потребительские практики горожан», на с. 214 – «практики спекуляции», на с. 584 – практика «поиска дешевых и доступных вариантов потребления», с. 692 – маргинальная практика – нищенство» и др.). В то же время на с. 235 говорится о бесхозяйственности как о «девиантной трудовой стратегии», на с. 598 при описании обращений граждан за помощью к руководству предприятий и в партийные органы используется и термин «практика», и термин «стратегия»; на с. 641 стратегией называются поездки горожан за продуктами в благополучные районы; на с. 699 «девиантной поведенческой стратегией» называется стилизация. Такое смешение понятий затрудняет понимание авторской концепции. Было бы логично использовать термин «стратегия» в отношении обобщенных поведенческих моделей, во всех остальных случаях использовать термин «практика».

2. Признавая весьма любопытной концепцию автора о поведенческих моделях, хотелось бы уточнить ряд вопросов. Почему, в частности, стремление лучше работать для увеличения доходов рассматривается в параграфе 7.1. как перфекционистская модель экономической «стратегии» (например, на с. 572–573), а затем трактуется как адаптивная (с. 606). Приведение примеров отказа от подписки на заем в разделе об «адаптивных моделях» (с. 651) заставляет задаться вопросом: в чем автор видит адаптивную «стратегию»: в подписке на заем или отказе от нее? И – в итоге – мог ли один человек использовать в своей повседневной жизни различные «стратегии» (в терминологии автора): и перфекционистские и адаптивные? Можно ли в таком случае определять «стратегию» конкретного человека в зависимости от доминирующей практики?

3. Достаточно спорными является ряд заключений автора: о трудовом энтузиазме, характерном для молодежи, а не для лиц более старших возрастных групп (с. 573); об обращениях в адрес вышестоящих организаций преимущественно со стороны граждан пожилых, многодетных и семей

погибших (с. 598). Насколько закономерно делать такие глобальные выводы на основе прочтения источников личного происхождения (дневников, воспоминаний и писем)?

4. Говоря о девиантных формах экономической деятельности (п. 3.2) автор причисляет к ним самогоноварение. Отмечу спорность размещения этого сюжета в разделе, посвященном борьбе с экономическими преступлениями в городской среде. На мой взгляд, об экономической «стратегии» целесообразно говорить, если самогон производился на продажу, а не для личного потребления, что было характерно для села, где имелись соответствующие продовольственные ресурсы; для горожан был более доступен легальный алкоголь. Видимо, неслучайно вопрос ответственности за изготовление суррогатных спиртных напитков рассмотрен в диссертации очень кратко (буквально в одном абзаце), без указания источника статистических сведений и уточнения социального статуса фигурантов уголовных дел.

5. На с. 667 «девиантная экономическая стратегия» определяется автором как «деятельность, связанная с нарушением законодательных норм». Это определение представляется неточным. Я думаю, нелишне было бы его уточнить и не объединять в одном понятии противоправные действия (спекуляцию, хищения, взяточничество) и ненаказуемые в уголовном порядке (неуплату квартплаты, нищенство, стилиажничество). Как известно, девиантное поведение совершенно не обязательно связано с нарушением права, в отличие от делинквентного – связанного с деликтом (преступлением, если речь идет об уголовном праве).

Позволю себе высказать еще ряд замечаний, которые возникли по прочтении текста диссертации М.А. Клиновой:

1. Не стоило в задачи исследования включать оценку степени изученности проблемы и определение круга исторических источников и их информационного потенциала. И то, и другое является необходимым инструментарием для решения научных проблем в ходе подготовки любого исторического исследования.

2. Вряд ли целесообразно упоминать работу российского демографа и статистика Д.П. Журавского (1810–1856) «Об источниках и употреблении статистических сведений» в контексте послевоенной советской историографии, посвященной методике бюджетных обследований (с. 21).

3. Структура текста недостаточно продумана. В рамках авторской концепции, на мой взгляд, следовало бы четче придерживаться следующей схемы: нормы права – идеологические конструкты – экономические практики горожан. Это позволило бы автору избежать повторов сюжетов,

сократить количество незначительных, частных примеров. Я убеждена, что если бы текст диссертации был более компактным, автору не составило бы труда тщательно его вычитать. В этом случае, вероятно, удалось бы избежать досадных ошибок в написании инициалов и фамилий (например, фамилия художника пишется «Лансере», а не «Лансаре» и не «Ленсаре», а имя наркома и министра торговли СССР и РСФСР Павлова – Дмитрий Васильевич, в то время как в тексте и в списке литературы приведены инициалы «Д.С.»). Также не мешало бы устранить имеющиеся в тексте опечатки, которые иногда ведут к искажению смысла фразы (например, на с. 562: «Наши советские замы идут на укрепление Родины»).

4. Не могу не отметить погрешности в оформлении научно-справочного аппарата. В частности, в приведенных на «Дневник» Л.В. Шапориной ссылках ни одна из страниц (а я проверила более десятка ссылок) не указана точно. Приведу только один пример: на с. 585 своей диссертации М.А. Клинова указывает, что на с. 5 «Дневника» содержится информация о заработках и расходах, но текст поденных записей во втором томе начинается с 7 страницы. Я предполагаю, что текст взят с сайта «Прожито», но зачем же в таком случае указывать выходные данные двухтомного издания, подготовленного издательством «НЛО» в 2017 г.?

5. Текст исследования излагается в научном стиле, однако некоторые речевые обороты, неоднократно используемые диссертанткой (например, «девиантные экономические проявления городского населения/граждан» (с.5, 7 и др.), «освоение/обживание реалий» (с. 47, 54 и др.)), некорректны с точки зрения русского языка.

Многие из высказанных замечаний носят дискуссионный характер и не ставят под сомнение научную значимость диссертационного исследования в целом. Работа М.А. Клиновой является самостоятельным оригинальным исследованием, в котором содержится решение научной задачи, имеющей научное и практическое значение.

Выводы, обобщения, основные положения диссертационного исследования нашли отражение в автореферате соискателя, а также в двух монографиях и в изданиях, которые входят в перечень, утвержденный ВАК Минобразования и науки РФ, для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

Диссертационное исследование М.А. Клиновой «Экономические стратегии городского населения РСФСР (1946–1956 гг.)» соответствует требованиям, предъявляемым ВАК к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, пунктам 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства РФ 24.09.2013 (в

редакции от 01.10.2018, с изм. от 26.05.2020), а его автор, Марина Александровна Клинова, заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – Отечественная история.

08.06.2020.

Официальный оппонент
Доктор исторических наук,
Профессор кафедры новейшей истории России
Института истории СПбГУ

Е.Д. Твердюкова

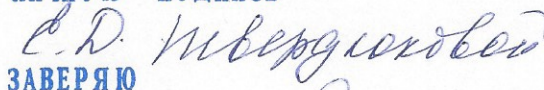
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ)

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Тел +7(812) 328-94-47.

e.tverdyukova@spbu.ru

ЛИЧНУЮ ПОДПИСЬ

ЗАВЕРЯЮ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА
УПРАВЛЕНИЯ КАДРОВ СПбГУ
Н.К. КОРЕЛЬСКАЯ